

24.07.2002

32

К Райкину на интервью можно ходить без диктофона. Вы и так все запомните. Он абсолютный актер — из тех, что уже машинально, без усилия, для каждого слова подбирает четкий жест, для любой мысли — маску, гримаску. А маски его запоминаются. Только что по опросу десяти ведущих театральных критиков он назван лучшим актером сезона — за главную роль в спектакле Роберта Стурра по пьесе Гольдони «Синьор Тодеро-хозяин». Одновременно в число лучших спектаклей попал «Макбетт» Ионеско, поставленный в «Сатириконе» очередным варягом, которых Райкин так любит приглашать. На сей раз он выбрал Юрия Бутусова, петербургского режиссера, получившего в свое время «Золотую маску» за странный и смешной спектакль «В ожидании Годо».

«Все ужасно, ха-ха-ха!»

— «Макбетт» — это предложение Бутусова, а выбор мой. Он предлагал несколько пьес — сам склоняясь, кажется, к брехтовским «Барабанам в ночи»; но я Брехта не полюбил, он тяжеловесен. А «Макбетт» меня сразу: это очень смешная пьеса. То есть, казалось бы — полный ужас, да? Беспросветность абсолютная, власть уродует всех, народ безмолвствует, будто вообще отсутствует; но вот из этого-то тупика возникает вдруг какое-то светлое ощущение. Очень местное, очень наше на самом деле. Ну да, все ужасно... ха-ха-ха!

— Вы не самые легкие пьесы выбираете.

— Я выбираю то, что меня цепляет. Сказать вам, в чем заключается мой единственный талант? Без всякой скромности: я очень хороший театральный зритель. Можно спорить, какой я там артист и художественный руководитель, но вот зритель я замечательный, послушный, непредубежденный, насмотренный, и если вещь действует на меня — уж будьте уверены, она и на других подействует. Я скажу, когда режиссер упивается своей тонкостью: люблю тонкость, но не люблю, когда меня все время тычут в нее носом и вопрошают — ну что, понял ты, как это тонко?! Восхищайся! Я не люблю заумствований. Не люблю, когда заигрывают со мной так или иначе. Мне интересно должно быть. Еще мне не нравятся чистая комедия и чистая трагедия. Я верю по-настоящему только в смешанные жанры. Поэтому и «Сатирикон» — театр трагифарса по преимуществу. А выбор репертуара определяется размерами зала.

— И какая тут зависимость?

— Очень простая: переезжая в Москву, мы согласились вот на такое помещение. Крайне сложное, потому что Марьино роша, от метро далеко и тысяча мест. Будь у меня зал на сто человек, я бы иначе строил репертуар. Театр должен быть полон, иначе играть невозможно и вообще бессмысленно все. Если зал на сто — в нем должно быть сто три. Вы должны давать зрителю то, что ему необходимо, то, без чего он сегодня задыхается.

— Ну, ну, ну! Что же это такое?

— Таких вещей две, на мой взгляд. Во-первых, энергия: она нужна всегда, скучать нельзя ни минуты. Во-вторых, зритель хочет стать лучше или хоть почув-

ствовать себя лучше, но это взаимосвязано. Была дурацкая такая советская идея, что искусство должно влиять на жизнь. Ни черта оно не должно никому, оно самоценно, оно — вот, возьмите, подарок; нечто сверх необходимости, сверх всякого возможного применения. Но оно вас делает — на секунду, на час, на то время, пока вы из театра выходите — таким, каким вы задуманы; и от этой встречи с собой вы радуетесь, делаетесь лучше... Это не значит, что надо одни светлые вещи писать, жизнеутраченные, — это тоже по-советски. Есть люди, которые видят мир в исключительно мрачном свете. И обладают исключительными способностями в распространении такого взгляда на мир. Ну — хоть Кафка. И я не думаю, что он повышает настроение. Но когда вы видите сильно сделанную вещь — это само по себе способно внушить... пожалуй что и счастье.

«Без художника мир — только птичий двор»

— Как вы обольщаете критиков? «Сатирикон» только что не оближают.

— Да?! Вам кажется?! Мы столько про себя интересного читаем — как мы на поводу у зрителя, как мы заманиваем богатых, какие мы рожденные ползать... Ну, правда, это не всегда

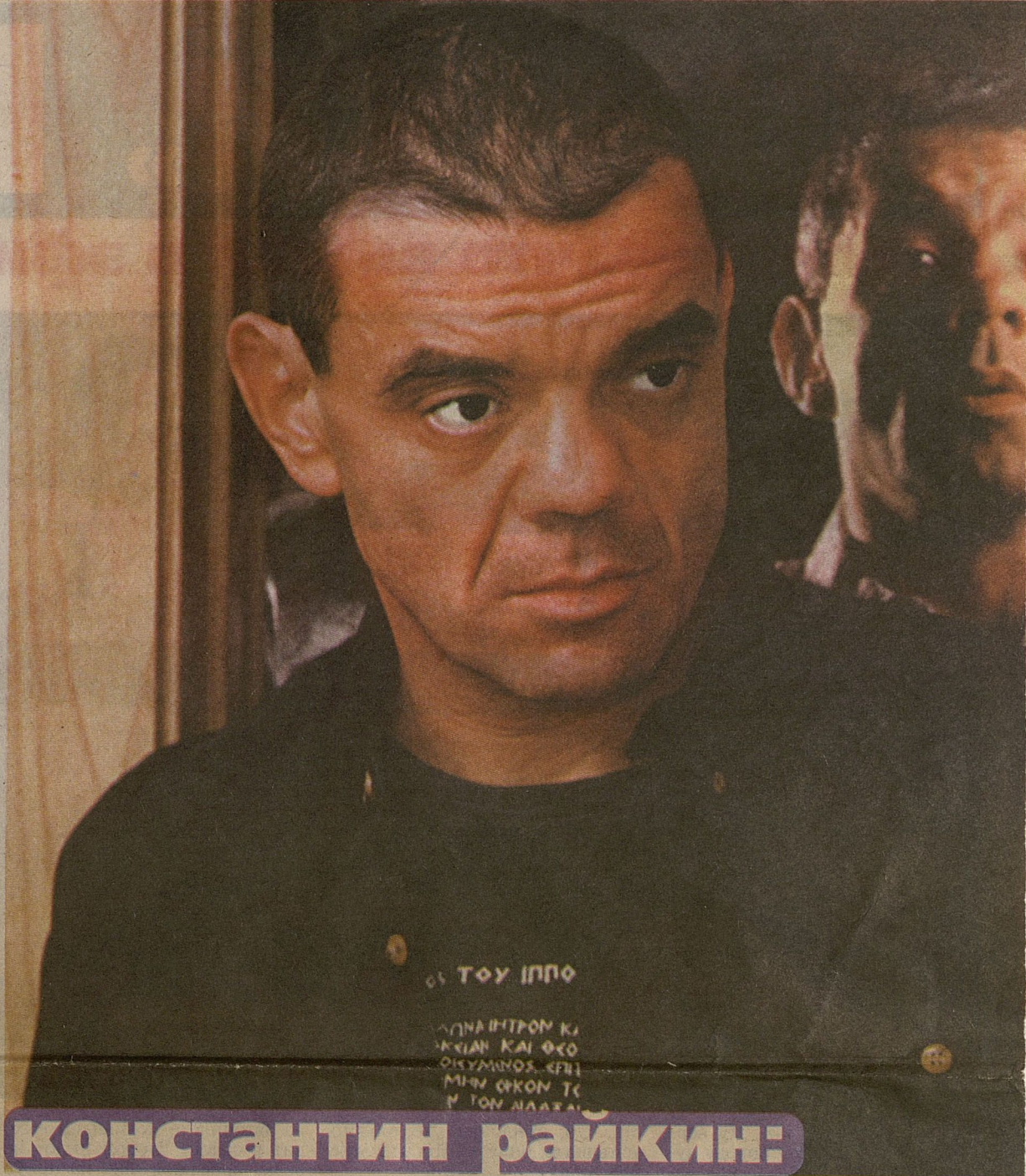
пишется по идеологическим или тем более по эстетическим причинам. Очень часто по гормональным. Но я это говорю без обид, не обращайтесь к ним.

— Неужели нельзя вообще не обращать внимания на ругань?

— В принципе можно. Но артисту нужна... не то чтобы завышенная самооценка, но сознание миссии, что ли, вера в исключительность своих занятий (а не свою личную, конечно). Ведь мы почему поставили роستانовского «Шантеклера»? Это трудная пьеса, но на нее очень хорошо идут. Там про пуха такого, романтического, который совершенно убежден, что если он не прокукарекает — солнце не взойдет. Это вопль художника о своей насущной необходимости. Если Шантеклера хотят задвинуть на какие-то двадцать пятые роли — не выйдет. Он на птичьей дворе главный. Без него это собрание будующих котлет.

— Мне в последнее время кажется, что «Сатирикон» — в известном смысле театр антибуржуазный.

— Во-первых, это не театр сатиры, ни в коем случае. Я не люблю понятия «сатира» вообще, мне не нравится бичевать

константин райкин:

У меня нет

пороки, язвить, колоть, прижигать каленым железом. Сатира обречена быть плоской. Юмор — это уже лучше, это понятие более объемное, в нем есть милосердие, мягкость, хорошо бы грусть. Во-вторых, у нас не агиттеатр. Борьба — совершенно не мое занятие, я не заигрываю с властью, не ставлю себе цели поспорить с ней и не занимаюсь пощипыванием ее под одеялом. И вообще — какая борьба? Вот я часто себе представляю: прилетят марсиане какие-нибудь. Или метеорит ужасный упадет, или мало ли что... Ну ведь все же будут вместе, все, сразу забудут копеечные свои разногласия! Это очень помогает иногда — представить марсиан; обязательно попробуйте, когда войдете в полемический запал.

Что касается антибуржуазности — она есть, наверное, на уровне формы: если под театром буржуазным понимать спокойный, расчетливый, приятно веселящий после сытного обеда, позволяющий снисходительно посмеяться над комиком... или, наоборот, такой солидно-реалистический, совершенно традиционный... тогда да, мы совсем не буржуазное явление.

— А почему у вас перестали запускать перед спектаклем это язвительное предупреждение — «Просьба выключить мобильные телефоны, продемонстрировать свою крутизну вы сможете в антракте»?

— Потому что мобильный телефон перестал быть символом крутизны. Он есть почти у каждого. Это во-первых. А во-

вторых, их все равно никто не выключал.

«Таких актеров контора не готовила»

— Мы встречаемся с вами в момент довольно драматичный — усиленно вают нашего министра культуры. На него появляются печатные доносы, его обвиняют в защите порнографии, «Идущие вместе» на него бочку катят...

— Доносов я не читал, о критике в его адрес слышан и очень бы не хотел, чтобы Швыдкого валили. Как и кого бы то ни было другого, впрочем. Травля — это в любом случае не метод, она заслуженной не бывает. Я никогда не буду близок к власти — просто потому, что любой человек, попавший туда, вдруг начинает говорить на особенном языке. Слова вроде те же самые, а смысл в них вкладывается другой, скоро я уже не могу поддерживать разговор... Но Швыдкого я знаю тысячу лет, когда он никаким министром и близко не был, и с ним я говорить могу. Он человек необозримой эрудиции. Он любит театр. У него прекрасная речь. Это первый министр культуры с такими данными, и это меня вполне устраивает.

При этом я вовсе не хочу сказать, будто у государства есть внятная культурная политика. У меня масса претензий к Министерству культуры в частности и к тому, как власть помогает культуре вообще. Она всегда в России делает это на редкость бездарно. У нас думают почему-то, что власть должна либо культу-

ру давить и тиранить, и тогда это называется заботой, — либо совершенно игнорировать, и тогда это называется свободой; между тем называется это уродливыми крайностями и обираловым вдобавок. Сейчас вернулось все советское — мы отдаем папе выручку, а потом просим на все: на мороженое, на скрепки... При этом государство вообще играет без правил — говорю сейчас уже не только о культуре. Происходит секторное включение честности. Допустим, всем сообщили: играем без правил. Все начинают так играть, и вдруг в одном секторе включается государственное око: нечестно! Сектор непредказуем, сегодня это может быть искусство, а завтра — экономика. Дорогие друзья, давайте все-таки договоримся: что можно? Допустим, вы сами выделяете нескольких людей, которым можно все. Они начинают действовать соответственно, заполнять весь предоставленный объем, и никто их не упрекает — ведь Им Можно! После чего вдруг выясняется, что им-то ничего и нельзя, и они подвергаются показательному повешению, хорошо еще, что виртуальному.

— Скажите: за два года путинского президентства не было случая, чтобы он вас заставил раскаться в вашей поддержке? Вы ведь тогда, в двухтысячном году, очень хорошо за это дело огребали... тогда как художников, поддерживавших другую сторону, никто и словом не попрекнул.

фото на развороте Максима Бурлака, Ольги Чумаченко

Если мир рухнет, я могу и не заметить.

32

ДРУЗЕЙ

— По большому счету — нет, он меня ни разу по-настоящему не разочаровал. Есть, естественно, всякие пригорки-ручейки, неизбежные сомнения и недовольства — но в целом мне нравится, как он действует. И даже не это, потому что в этом я понимаю до смешного мало, любой ребенок осведомлен лучше меня. Я доверяю только своей интуиции — как зверь. Это касается и выбора репертуара, и моего политического выбора. Расчет — ничто, нюх — все. Я вижу, как этот человек говорит и слушает. Это меня убеждает. Чтобы обмануть меня, профессионального актера, ничего другого не умеющего, разбирающегося только в ремесле, — он должен быть актером классом выше. Актеров такого класса его ведомство не готовило.

— Вам случалось общаться с ним лично?

— Да, я доверяю в таких вещах только личному общению. Кроме того, он все запоминает. Я попросил его о помощи, и уже на другой день он помог.

— Это делалось не в порядке обмена на вашу поддержку — извините, конечно?

— Нет, нет. Уже гораздо позже. Да не так много для него и значила моя поддержка, чтобы устраивать торги.

«Меня носили на руках — ходить я не мог»

— Как вам кажется: если бы ваш отец, основатель театра, увидел сегодняшнего «Сатирикон» — он одобрил бы его?

считаю, что правильно выбрал себе профессию, потому что с годами улучшился очень сильно. Не подумайте, что я себя хвалю. Просто вы не знаете, с какого низкого уровня я начинал. Если благодаря своей работе ты улучшаешься с годами, значит, ты делаешь то, что надо, — а если наоборот, то и на черта тебе все? Я умею только это, и если меня выгонят из театра или он еще каким-то способом прекратится — мне решительно нечего будет делать. Поэтому я этим театром живу, а не руковожу им; тут дом. Мне раньше казалось: вот выгнать артиста будет трагедией, я никогда не смогу этого. Очень даже могу, потому что когда у тебя выбор — либо ты будешь жестко руководить, либо прогоришь, — решения принимаются гораздо проще. Я выгнал многих. Поэтому у нас хорошая команда.

— Как вы пополняете труппу? Где взяли новых звезд — Сиявинду, Дениса Суханова?

— Я веду второй курс в Школе-студии МХАТ, веду с твердым намерением многих взять в театр. Один будет показывать свой дипломный спектакль — «Снегурочку» Островского — на нашей большой сцене. Вообще в этом поколении много исключительно серьезных, работоспособных и талантливых людей.

— Поколение действительно очень работоспособное, но не кажется ли вам, что оно просто деньги очень любит?

— Во-первых, в этом не было бы ничего худого, ибо любовь к деньгам — по крайней мере, в молодости — это любовь к независимости, чтобы можно было своим делом заниматься. Но если серьезно — кто сейчас идет в театральный ради денег? Кто не знает ситуации? Туда идут очень сильно беременные.

— То есть?

— То есть им срочно необходимо с кем-то делиться собой.

Талант — это же как беременность или как горб. Хочется сбросить.

— К вопросу о горбе. После вашего Тодеро-хозяйина мне, честно говоря, стало казаться, что вы боитесь старости. Что она вам отвратительна. И вы выбросили из себя этот ужас, сыграв гнусного старца...

— Да ничего подобного, хотя в принципе вы не так уж далеки от истины — чтобы нечто из себя выбросить, это надо сыграть. Возможно, желание перевоплотиться во всяких мерзавцев вроде Мэкки — своего рода страховка от превращения в них. Но стимул играть Тодеро у меня был простой — это не самая известная пьеса Голдони, но это пьеса гения. Она не вся выдержана на одном уровне, но старикан написан так, что всякий актер возмечтает это сыграть. Особенно когда ставит Стурю. У нас получилась, в сущности, песня Стюруа на слова Голдони — он так трактует финал, что старик реабилитируется, любовь его изменила, из пустой бабы (которую написал Голдони) Стурюа там придумал роковую женщину, саму Любовь, чье обаяние действует даже на этого старого скупца без единой положительной черты. Роберт не может не дать шанса злодею, не пожалеть всех, не устроить пир справедливости в финале.

— Вы только что вернулись с гастролей — кажется, пятых за последние три месяца.

— Восьмых.

— Вы играете, ставите, преподаете. Я вас ловил полгода. Когда вы живете?

— Что вкладывается в понятие «жизнь»?

— Свободное время. Прогулки. Посиделки с друзьями.

— Все перечисленное — безделье, а не жизнь; жизнь происходит в театре, где находится и семья. Друзей у меня нет.

— Как?

— Очень просто, мне это не нужно, я не могу себе этого сейчас позволить. У меня был близкий друг Леонид Трушкин, настоящая мужская дружба — совместная работа, обсуждения замыслов, ежедневное общение. Потом это без всякой ссоры превратилось в доброе приятельство. Когда ты не все можешь сказать человеку в глаза — это уже не дружба, а я не знаю, кому я сейчас могу все сказать, да и нужно ли мне это. Может быть, это возраст, может быть, все люди сейчас занимаются слишком разными вещами и слишком по-разному живут... Понятие среды и тесного дружеского круга — это тоже осталось там, в советских временах, когда все у всех было почти одинаково. Отдых тоже не нужен, потому что нет отдыха, кроме смены занятий, — играя, я отдыхаю от режиссуры, а когда ставлю, отдыхаю от игры. Экономикой мне, по счастью, заниматься почти не приходится — есть люди в театре, понимающие это лучше меня.

— Что вы собираетесь сейчас ставить?

— «Доходное место» Островского.

— Можно подумать, что современной драматургии не существует.

— Российской? Существует. Но мне как-то Шекспир больше нравится. Ростан, Мольер... Островского даже осовременивать не надо — все как сейчас написано, перечитываю и глазам не верю. А с осени 2003 года Володя Машков начинает у нас репетировать «Собачье сердце» — с Юрским в роли Преображенского.

— И вами в роли Шарикова?

— (Смеется.) Да.

— Почему так поздно? У вас что, до будущей осени все расписано?

— У нас все расписано по дням на два года вперед. И Машков хотел это делать даже в более отдаленной перспективе — но, увидев, как он в этом кабинете бегал по стенам, рассказывая мне всю будущую постановку, я понял, что надолго ее откладывать он не станет. Это у него слишком горит.

— Вам не обидно, что он сейчас в Голливуде?

— Да почему же обидно, Машков такой человек, что все равно не успокоится, пока не покорит мир. Ему нужен «Оскар» или «Пальмовая ветвь», причем за режиссуру. Невозможно сомневаться, что все это у него будет, — его мотора, таланта и честолюбия хватило бы на десять Америк. Америка понятия не имеет, что такое русский актер. Там думают, он годится только на роли злодеев; сейчас он им показал, на что способен. Мне обидно только за то, что актер такого класса иг-

Если зал на сто человек, в нем должно быть сто три.

рает в кино. Я видел его в «Матросской тишине» у Табакова, и по-моему, это была великая работа. Просто — великая. Кажется, он будет сейчас снимать фильм — как раз по «Матросской».

— И вы, и Машков ведете жизнь чрезвычайно бурную и работаете без передышки, а выглядите совершенными огурцами. Что, искусство консервирует?

— Оно не консервирует, но, конечно, способствует молодости. А впрочем, это касается любой деятельности, приносящей наслаждение и избавляющей от злости. Посмотрите на Фоменко: я ни одного спектакля у него не пропускаю. Ему семьдесят лет, он болел много. Но какой гусар и какой огонь! Кто даст ему его годы? Или Гинкас. Мне очень интересно то, что они с Яновской делают. Порой все во мне сопротивляется Гинкасу, он вот так меня крутит — но в конце концов всегда побеждает.

Вообще, когда играешь в театре, нельзя раздражаться. Стоит тебе озлиться — на зал, на партнера, — все. Обаяние твое мигом становится отрицательным, и тебя начинают ненавидеть с той же силой, с какой только что любили. Какой я был, Боже, какой я был! Как я орал, срывался, иногда даже на сцене — вспомнить стыдно.

— Есть у вас любимый актер?

— Смоктуновский, Борисов, Евстигнеев, Калягин.

— Вы упомянули, что семья в театре, — и жена действительно работает вместе с вами. Это вам не мешает? Потому что режиссура невозможна ведь без увлечений, и преподавание, вероятно, тоже...

— Ну, а что дурного в увлечении? Чтобы актер увлек зал, он сам должен увлечься, естественная вещь. Да, было. В конце концов, у меня сейчас третий брак, — пусть каждая из жен относит сказанное на счет другой. Очень редко такие увлечения перерастают во что-то более серьезное.

Было время, когда моя нынешняя жена уходила из театра, делая сольную карьеру; теперь вернулась. Значит, ей тут нравится. Ну, и мне нравится, что она тут. Что касается студенток — среди театральных педагогов на этот счет нет единого мнения. Между прочим, моя первая жена — брак этот длился четыре года — была моей студенткой, еще в табаковской студии. Так вот, один маститый педагог веско сказал при мне однажды: «Со студентками — можно». Ему стали возражать: «Но...» — «Без всяких «но». Со студентками — можно». Это не значит, что я разделяю его взгляды: видимо, он считал, что это оптимальная форма обучения. Но не единственная и, главное, не универсальная.

— Вы — за энергичный театр, вы сами говорите, что зрителю сегодня нужна энергия. Но вам не кажется, что причина этого — в полной аморфности общества, в отсутствии сюжета? Какая-то пауза во всем...

— Я этого не наблюдаю. И не потому, что живу в башне из слоновой кости. Просто по театру все отлично видно. Это же срез страны. Чтобы увидеть и понять страну, вовсе не обязательно ездить на целину или в Сибирь. Это тоже советская лажа. Пастернак говорил: все, что надо, я увижу из окна дачи. Так что я живу здесь, в театре. И иногда мне кажется, что если мир рухнет — я узнаю об этом последним, а может, попросту не замечу. Так и буду играть.

■ Беседовал
Дмитрий Быков.